

Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

Автор анализирует современные подходы к правовому осмыслению и правоприменительной квалификации нравственных страданий личности, возникших в результате вторжения в ее конституционные права и свободы. Отмечается расширение круга охватываемых правом и влекущих правовые последствия посягательств на эмоционально-психологическую сферу индивида.

Анализируются акты Конституционного, Верховного и иных судов Российской Федерации, последовательно разрушающие формально-юридические препятствия для компенсации морального вреда посредством выявления существенности нарушения основных прав, составляющих ядро конституционного статуса личности. В последние годы расширена возможность компенсации за нарушения имущественных прав потерпевшему от преступления, хозяину при причинении смерти домашнему животному, родителю при посягательстве на здоровье ребенка, лицу, незаконно привлеченному к административной ответственности, будущему пенсионеру, получившему незаконный отказ в назначении пенсии.

Делается вывод о необходимости в рамках деликтов, вытекающих из преступлений и властотношений, законодательно повысить действенность конституционных гарантий реализации прав потерпевших и обеспечить максимальную защиту достоинства личности, установив презумпцию возникновения морального вреда и ответственность публично-правовых образований без вины.

Ключевые слова: достоинство личности, нематериальные блага, имущественные права, деликтное правоотношение, моральный вред, компенсация, вина причинителя вреда.

Д.В. Карнов

Доцент кафедры конституционного
и муниципального права
юридического факультета
Национальный исследовательский
Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского,
кандидат юридических наук, доцент

Уважение личности – краеугольный камень основ конституционного строя России (статьи 2, 18, 21 Конституции), в основе которого лежит важнейшая библейская заповедь «возлюби ближнего твоего, как самого себя». Однако социальная практика далека как от заветов Христа, так и от конституционного измерения. Важнейшим средством противодействия посягательствам на личность является институт компенсации морального вреда, развитие которого в последние десятилетия происходит не на

ного правотворчества и судебного правоприменения. В рамках конституционного и расширительного легального истолкования толкования норм Гражданского кодекса происходит, с одной стороны, расширение сферы применения указанного института, а с другой – юридически обоснованный существенный рост сумм компенсаций¹.

Так, недопустимость формального подхода к установлению ответственности за моральный вред, наступление которого разорвано во времени с фактом породившего его неправомерного деяния, демонстрирует Постановление от 02.03.2023 № 7-П «По делу о проверке конституционности пункта 2 статьи 17 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки М.В. Григорьевой». Конституционный Суд РФ признал конституционно обоснованной ответственность за причинение вреда в виде нравственных страданий ребенка в результате действий, совершенных до его рождения и повлекших лишение жизни его отца. Данным постановлением признан не противоречащим Конституции Российской Федерации пункт 2 статьи 17 ГК Российской Федерации, поскольку по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования эта норма не предполагает ее применения в качестве основания для отказа в компенсации морального вреда, причиненного ребенку, родившемуся после смерти его отца.

Конституционный Суд, вопреки состоявшимся по делу решениям ординарных судов, пришел к выводу, что смерть отца причиняет подлежащие компенсации нравственные страдания его ребенку, родившемуся уже после трагической гибели, независимо от того, что на момент самой смерти правоспособность ребенка еще не возникла².

Законодательная концепция института компенсации морального вреда состоит в том, что компенсации по общему правилу подлежат не любые нравственные и физические страдания, а лишь те, которые вызваны нарушением неимущественных прав или иных нематериальных благ. Исключения из общего правила должны быть прямо установлены законодателем, классическим примером такового является норма статьи 15 Закона РФ «О защите прав потребителей».

На этапе становления института компенсации морального вреда сфера нематериальных благ правоприменителем рассматривалась ограничительно – как исключительно духовные ценности. Однако в жизни человека физиологическое и духовное начало, с одной стороны, а также материальное (экономическое), с другой, тесно взаимосвязаны и находятся под влиянием друг друга. Физическое и духовное состояние человека в известной степени требует средств к существованию, а инструментом подавления личности может являться и воздействие на ее экономическую сферу. В свою очередь, отдельные нематериальные потребности невозможно реализовать без материальных носителей (жилище, произведения архитектуры, изобразительного искусства).

Наиболее значимыми вехами на пути раскрытия потенциала института компенсации морального вреда как особого средства правовой защиты являются судебные акты, углубляющие понимание сферы существования в правовом статусе личности тех личных неимущественных прав и иных нематериальных благ, посягательство на которые порождает право на компенсацию морального вреда.

Определением Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 21.06.2022 № 15-КГ22-1-К1 в качестве особого нематериального блага, нарушение которого позволяет возложить на правонарушителя обязанность денежной компенсации морального вреда, выявлена эмоциональная потребность хозяина в общении с имуществом особого рода – домашним животным, к которому он испытывает психологическую привязанность, нарушаемую, в частности, в случае гибели собаки, имевшей место по данному делу. Верховный Суд исходил из того, что нематериальный аспект ценности животного для хозяина находит свое законодательное отражение в том, что именно охрана отношений нравственности

является целью введения запрета на жестокое обращение с животными, содержащегося как в гражданском (статья 137 Гражданского кодекса Российской Федерации), так и в уголовном законодательстве (статья 245 Уголовного кодекса Российской Федерации, включенная в главу 25 данного кодекса «Преступления против здоровья населения и общественной нравственности»). Не случайно собаку называют «другом человека», а в целом животных, прежде всего домашних, – «братьями нашими меньшими». Соответственно, хозяин вправе требовать самостоятельной защиты своей особой нематериальной (психологической) связи с животным, которое способно в такую связь вступать, будучи, с точки зрения права, имуществом, испытывающим эмоции и нуждающимся в гуманном к себе отношении.

В неменьшей мере нематериальным благом для человека является физическое благополучие близких, поэтому в судебной практике формируется правовая позиция, исходя из которой, взыскивая в пользу родителей несовершеннолетних компенсацию морального вреда, суды учитывают нравственные переживания родителей в связи с полученными их детьми травмами, в частности в ДТП, наблюдением за их страданиями как во время нахождения несовершеннолетних на стационарном и амбулаторном лечении, так и в последующем в повседневной жизни, чувством тревоги и страха за жизнь и здоровье детей³.

Право на обращение в созданные государством учреждения, в частности медицинские, защищается компенсацией морального вреда, поскольку Верховный Суд признал, что они осуществляют публично значимые функции в сфере охраны здоровья и медицинской помощи, а потому должно было рассмотреть обращения истца и дать ответ в соответствии с требованиями Федерального закона «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации». При этом со ссылкой на пункт 4 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2022 № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда» Судебная коллегия указала, что основанием для возникновения обязанности денежной компенсации морального вреда является установление факта причинения гражданину такого вреда действиями ответчика, следовательно, при нарушении неимущественных прав истца, в том числе права на получение ответа на его обращение, возмещение морального вреда могло быть осуществлено судом на общих основаниях, а не только в связи с нарушением ответчиком требований Федерального закона «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации». Такая формулировка пра-

волевой позиции Верховного Суда может означать, что Суд признает за гражданином право на получение ответа на обращение в негосударственные организации, что явно выходит за рамки содержания нормы статьи 33 Конституции Российской Федерации относительно права петиций в публичные органы, однако может быть формой уважения достоинства обращающегося (статья 21 Конституции Российской Федерации).

Выявлению нового аспекта умаления достоинства личности, влекущего обязанность компенсировать моральный вред, посвящено Постановление Конституционного Суда РФ от 26.10.2021 № 45-П «По делу о проверке конституционности статьи 151 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С.Ф. Шиловского». Если обратиться к резолютивной части постановления, то Суд признал часть первую статьи 151 ГК Российской Федерации, с одной стороны, не противоречащей Конституции Российской Федерации, поскольку она сама по себе не исключает компенсацию морального вреда в случае совершения в отношении гражданина преступления против собственности, которое нарушает не только имущественные права данного лица, но и его личные неимущественные права или посягает на принадлежащие ему нематериальные блага (включая достоинство личности), если при этом такое преступление причиняет указанному лицу физические или нравственные страдания. С другой же стороны, Суд признал норму не соответствующей Конституции Российской Федерации, ее статьям 21 (часть 1), 45 (часть 1), 46 (часть 1), 52 и 56 (часть 3), в той мере, в какой она – по смыслу, придаваемому ей судебным толкованием (в том числе во взаимосвязи с пунктом 2 статьи 1099 данного Кодекса), – служит основанием для отказа в компенсации морального вреда, причиненного гражданину совершенным в отношении него преступлением против собственности, в силу одного лишь факта квалификации данного деяния как посягающего на имущественные права потерпевшего, без установления на основе исследования фактических обстоятельств дела того, причинены ли потерпевшему от указанного преступления физические или нравственные страдания вследствие нарушения его личных неимущественных прав либо посягательства на принадлежащие ему нематериальные блага.

Выраженная в этом постановлении правовая позиция нашла дальнейшее закрепление в пункте 5 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2022 № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда».

Stare decisis вышеуказанного постановления состоит в том, что Конституционный Суд признал, что потенциально любое преступление, в

том числе против собственности, причиняет потерпевшему моральный вред, подлежащий компенсации на общих основаниях. Аргументация Суда заключается в том, что всякое преступное посягательство на человека и его права, независимо от их содержательных характеристик, является одновременно и наиболее грубым посягательством на *достоинство личности* – конституционно защищаемое и принадлежащее каждому нематериальное благо, поскольку человек как жертва преступления становится объектом произвола и насилия.

В отличие от звучащих в юридической литературе критических оценок именно данной позиции Конституционного Суда в этом постановлении⁴, нам представляется, что она не только справедлива сама по себе, но и позволяет сделать более глубокие выводы относительно механизма умаления достоинства личности. Содержание достоинства и средства его защиты составляют основу конституционного статуса личности, поскольку, по справедливому выражению В.Д. Зорькина, «понимание права (и прежде всего прав человека) в том или ином социуме и государстве – это результат общественного согласия в вопросе о том, что есть человек и в чем состоит его человеческое достоинство»⁵.

Для нас не вызывает сомнения, что достоинство страдает во всякой жизненной ситуации, когда человек ощущает себя не полноправным участником отношений, а объектом в чужих руках либо неполноценным субъектом, чья воля и законные интересы демонстративно не берутся во внимание во всех или отдельных аспектах. Подобное происходит, когда причинитель с той или иной степенью открытости ставит свою волю на голову выше воли потерпевшего, не считаясь с последней. Именно это создает ощущение неполноценности и унижения. Такая реакция вполне закономерна, в том числе в случае банальной кражи чемодана, приведенной А. Эрделевским в качестве отрицательного примера, в котором невозможно умаление человеческого достоинства. Дело в том, что конституционное понимание достоинства личности шире, нежели в словаре С.И. Ожегова, на который опирается указанный автор. Человеческое достоинство – не просто уважение человеком своих моральных качеств, а осознание человеком себя полноценной личностью и необходимое для этого субъективное понимание этим человеком факта признания другими в нем личности со своими законными интересами, требующими уважения. В этой связи умалением достоинства надо признавать любые неправомерные действия, создающие у человека ощущение собственной неполноценности, беспомощности перед лицом нарушителя, страха за свои жизненные ценности.

В пункте 4 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2022 № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда» приведен такой пример действия (бездействия), направленного против имущественных прав гражданина, одновременно нарушающего его личные неимущественные права или посягающего на принадлежащие ему нематериальные блага: умышленная порча одним лицом имущества другого лица, представляющего для последнего особую неимущественную ценность (единственный экземпляр семейного фотоальбома, унаследованный предмет обихода и др.).

Исходя из изложенного нами видения достоинства личности и способов его умаления, следует заключить, что умышленное повреждение любого имущества, например автомобиля на парковке, в глазах собственника представляет собой реализацию воли нарушителя вопреки коренным интересам потерпевшего в сохранности объекта собственности. Если это совершается в присутствии потерпевшего, то само по себе направлено на то, чтобы унижить его. Но, во всяком случае, такие действия вызывают у собственника ощущение незащищенности от произвола и, соответственно, неравнозначности иным людям, чьи автомобили не подвергаются нападению, т.е. неполноценности как члена общества. Это и есть посягательство на достоинство, причем вне зависимости от того, может ли оно быть квалифицировано в качестве преступления.

Таким образом, во всех случаях, когда причинитель, допуская нарушение имущественных прав, умышленно ставит свою личность и свою волю выше личности и интересов потерпевшего, последний неизбежно ощущает унижение, чувство неполноценности, в результате чего страдает его достоинство.

Вместе с тем Конституционный Суд РФ в Постановлении от 26.10.2021 № 45-П, в отличие от сложившегося в судебной практике подхода, признал, что на потерпевшем лежит бремя доказывания факта возникновения морального вреда. Следует согласиться с А.М. Эрделевским, что заявление потерпевшего о нравственных страданиях само по себе является достаточным доказательством причинения морального вреда⁶. Однако Суд оговорился, что обстоятельства дела сами по себе могут свидетельствовать о причинении гражданину физических или нравственных страданий действиями, которые явным образом нарушают его личные неимущественные права либо посягают на принадлежащие ему нематериальные блага. Также Суд обозначил возможность федерального законодателя внести необходимые изменения в правовое регулирование отношений по возмещению морального вреда гражданам, потер-

певшим от преступлений против собственности, в части распределения бремени доказывания факта причинения таким лицам морального вреда, с тем чтобы повысить действенность конституционных гарантий реализации прав потерпевших от преступлений и обеспечить максимальную защиту достоинства личности как конституционно значимой ценности.

Между тем в пункте 12 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2022 № 33 отсутствует указание на обязанность потерпевшего доказать факт физических или нравственных страданий: потерпевший – истец по делу о компенсации морального вреда должен доказать лишь факт нарушения его личных неимущественных прав либо посягательства на принадлежащие ему нематериальные блага, а также то, что ответчик является лицом, действия (бездействие) которого повлекли эти нарушения, или лицом, в силу закона обязанным возместить вред.

Нам представляется, что истец должен обозначить, в чем состоит моральный вред, процессуальная обязанность жертвы доказывать в суде сами страдания их только усугубляет, тогда как государство должно исходить из обусловленной Конституцией концепции бережного отношения к личности и отказа от неоправданных страданий в ходе государственной деятельности, в том числе осуществления правосудия.

В этой связи для внесения правовой определенности было бы целесообразно законодательно установить презумпцию наличия морального вреда при любом нарушении нематериальных благ. Данная презумпция не исключает права причинителя вреда опровергать как сам факт страданий, так и их степень.

Нарушением права на человеческое достоинство является и любое *незаконное привлечение к публично-правовой ответственности*, поскольку оно означает применение по отношению к человеку по инициативе государства, выраженной в той или иной мере, и в публичных интересах мер государственного принуждения (насилия) в отсутствие фактического правонарушения, т.е. законного основания для вторжения в сферу автономии личности.

Интерес представляет компенсация морального вреда, причиненного гражданину, в отношении которого осуществлялось административное преследование, но дело было прекращено в связи с отсутствием события или состава административного правонарушения либо ввиду недоказанности обстоятельств, на основании которых были вынесены соответствующие постановления, решение (пункты 1, 2 части 1 статьи 24.5, пункт 4 части 2 статьи 30.17 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, далее – КоАП РФ). В настоящее время правовая позиция относительно

данного основания компенсации морального вреда выражена в пункте 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2022 № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда».

Кроме того, в определении Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 17.01.2023 № 57-КГ22-4-К1 сформулирована позиция о том, что компенсация морального вреда может быть присуждена в том числе при прекращении за истечением срока давности. Данный вывод мотивирован в том числе ссылкой на правовую позицию, выраженную в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 16 июня 2009 г. № 9-П «По делу о проверке конституционности ряда положений статей 24.5, 27.1, 27.3, 27.5 и 30.7 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, пункта 1 статьи 1070 и абзаца третьего статьи 1100 Гражданского кодекса Российской Федерации и статьи 60 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Карелина М.Ю., Рогожкина В.К. и Филандрова М.В.», согласно которой отказ от административного преследования в связи с истечением сроков давности привлечения к административной ответственности не может препятствовать реализации права на возмещение вреда, причиненного незаконными действиями должностных лиц, совершенными при производстве по делу об административном правонарушении. Прекращение дела не является преградой для установления в других процедурах ни виновности лица в качестве основания для его привлечения к гражданской ответственности или его невиновности, ни незаконности имевшего место в отношении лица административного преследования в случае причинения ему вреда: споры о возмещении причиненного административным преследованием имущественного ущерба и о компенсации морального вреда разрешаются судом в порядке гражданского судопроизводства (пункт 6).

Сложность в практике вызывает вопрос установления вины административного органа в незаконном административном преследовании.

Обоснованность действий административного органа в целях реализации публичных функций регламентируется частью 3 ст. 28.1 КоАП РФ, дело об административном правонарушении может быть возбуждено должностным лицом, уполномоченным составлять протоколы об административных правонарушениях, только при наличии хотя бы одного из поводов, предусмотренных частями 1, 1.1 и 1.3 настоящей статьи, и достаточных данных, указывающих на наличие события административного правонарушения.

В Постановлении Конституционного Суда РФ от 30.03.2021 № 9-П "По делу о проверке конституционности части 5 статьи 28.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и части 3 статьи 201 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки О.С. Яковенко" выражена позиция о том, что уполномоченное должностное лицо независимо от того, в каком порядке осуществлялась проверка изложенных в обращении физического или юридического лица фактов, по итогам которой сделан вывод о *недостаточности* данных для возбуждения дела об административном правонарушении, выносит мотивированное определение об отказе в возбуждении дела об административном правонарушении.

То есть основополагающим является вопрос о принятии административным органом необходимых мер для установления наличия или отсутствия достаточных данных, указывающих на наличие события административного правонарушения.

Представляется, что отсутствие своей вины должны доказать именно административные органы, исходя из пункта 12 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2022 № 33, согласно которому вина в причинении морального вреда предполагается, пока не доказано обратное, а отсутствие вины в причинении вреда доказывается лицом, причинившим вред (пункт 2 статьи 1064 ГК РФ). По аналогии закона с положениями статьи 401 Гражданского кодекса Российской Федерации, поскольку компенсация морального вреда присуждается на основании норм гражданского законодательства и в гражданско-процессуальных процедурах, следует выяснять, принимал ли административный орган все необходимые меры, которые требовались от него, исходя из обстоятельств дела. Отсутствие вины не подтверждается формальным соблюдением регламентов и должностных инструкций, поскольку существо административного преследования состоит в принятии исчерпывающих мер для выявления достаточных данных, указывающих на наличие события административного правонарушения.

В частности, отсутствие события административного правонарушения, а равно иная, не влекущая административную ответственность, квалификация деяния по итогам рассмотрения дела, в отсутствие новых доказательств, которых не было на стадии возбуждения дела, всегда должна означать наличие вины административного органа, поскольку правильная квалификация входит в его полномочия и является обязанностью, неисполнение которой свидетельствует о виновности.

Так, Определением Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 07.02.2023 № 19-КГ22-41-К5 было признано право на компенсацию морального вреда ввиду привлечения к ответственности за правонарушение, которого в действительности не было (управление транспортным средством без действующего водительского удостоверения), а производство прекращено за отсутствием события административного правонарушения.

Однако в целях исключения произвольной оценки наличия или отсутствия виновности административного органа следует законодательно установить безвиновную ответственность государства в случае прекращения дела ввиду отсутствия события или состава административного правонарушения.

Судебная практика последних лет поступательно шла по пути признания нарушением права на *достоинство в аспекте материального уровня жизни*, позволяющего сохранять человеческое достоинство, произвольное, то есть в отсутствие установленных законом оснований, лишение гражданина уполномоченным органом права на меры социальной поддержки. И если пункт 31 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 11.12.2012 «О практике рассмотрения судами дел, связанных с реализацией прав граждан на трудовые пенсии» предусматривает категорический запрет на возможность присуждения компенсации морального вреда вследствие нарушения пенсионных прав, исходя из их имущественного содержания, то пункт 37 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2022 № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда» ставит разрешение этого вопроса в зависимость от наступивших последствий. Право на компенсацию морального вреда возникает в случае нарушения права на получение социальных гарантий, осуществляемое в том числе в виде денежных выплат (пособий, субсидий, компенсаций и т.д.), если такие нарушения лишают гражданина возможности сохранять жизненный уровень, необходимый для поддержания его жизнедеятельности и здоровья, обеспечения достоинства личности.

Таким образом, исходя из конституционного предназначения социального государства механизм социальной защиты, предусмотренный законодательством, должен позволять наиболее уязвимым категориям граждан получать поддержку, включая материальную, со стороны государства и общества и обеспечивать благоприятные, но не ущемляющие охраняемое государством достоинство личности условия для реализации ими своих прав. Если незаконно отказано в назначении пенсии лицу, не имею-

щему источника средств к существованию, находящемуся в тяжелой жизненной ситуации, с учетом состояния здоровья и семейного положения, такое нарушение умаляет право на достойную жизнь (ст. 21 Конституции России) и может явиться основанием для компенсации морального вреда. Поскольку назначение страховой пенсии по инвалидности относится к числу мер социальной поддержки граждан, необходимой такому лицу в силу состояния здоровья, в судебной практике есть случаи присуждения компенсации морального вреда ввиду бездействия пенсионного органа в связи с несвоевременностью назначения и выплаты пенсионного обеспечения⁷.

Таким образом, если первоначально судебная практика формировалась на основе ограничительного толкования сферы действия института морального компенсации, то в настоящее время, исходя из углубления понимания конституционно защищаемых нематериальных ценностей, идет масштабное расширение этой сферы посредством реализации конституционных полномочий Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ по казуальному толкованию Конституции РФ, разъяснению по вопросам судебной практики и формированию правовых позиций в рамках разрешения прецедентных дел.

Библиографический список

1. Определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 27.04.2023 по делу № 88-7168/2023 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. URL: www.consultant.ru (дата обращения: 19.03.2023).
2. Апелляционное определение Вологодского областного суда от 10.01.2023 по делу № 2-6951/2022 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. URL: www.consultant.ru (дата обращения: 19.03.2023).
3. Апелляционное определение Владимирского областного суда от 26.04.2023 по делу № 33-1696/2023, 2-23/2023 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. URL: www.consultant.ru (дата обращения: 19.03.2023).
4. Зорькин В.Д. Конституционная идентичность России: доктрина и практика [Электронный ресурс]. URL: <https://ksrf.ru/ru/News/Speech/Pages/ViewItem.aspx?ParamId=82> (дата обращения: 20.03.2023).
5. Сергеев Ю.Д., Канунникова Л.В., Хлудов Е.Ю. Конституционно-правовые аспекты компенсации морального вреда // *Медицинское право*. 2016. № 4. С. 3–6.
6. Эрделевский А.М. О компенсации морального вреда в связи с нарушением имущественных прав: практика Конституционного Суда РФ // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. URL: www.consultant.ru (дата обращения: 23.03.2023).
7. Эрделевский А.М. Правоспособность и право на компенсацию морального вреда: практика Конституционного Суда РФ // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. URL: www.consultant.ru (дата обращения: 23.03.2023).

¹ Указанное вызывает в том числе и негативную реакцию в определенных социальных кругах, особенно в медицинском сообществе. См., например: Сергеев Ю.Д., Канунникова Л.В., Хлудов Е.Ю. Конституционно-правовые аспекты компенсации морального вреда // *Медицинское право*. 2016. № 4. С. 3–6.

² Эрделевский А.М. Правоспособность и право на компенсацию морального вреда: практика Конституционного Суда РФ // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. URL: www.consultant.ru (дата обращения: 23.03.2023).

³ См., например: Апелляционное определение Вологодского областного суда от 10.01.2023 по делу № 2-6951/2022 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. URL: www.consultant.ru (дата обращения: 19.03.2023); Апелляционное определение Владимирского областного суда от 26.04.2023 по делу № 33-1696/2023, 2-23/2023 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. URL: www.consultant.ru (дата обращения: 19.03.2023).

⁴ Эрделевский А.М. О компенсации морального вреда в связи с нарушением имущественных прав: практика Конституционного Суда РФ // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. URL: www.consultant.ru (дата обращения: 23.03.2023).

⁵ Зорькин В.Д. Конституционная идентичность России: доктрина и практика [Электронный ресурс]. URL: <https://ksrf.ru/ru/News/Speech/Pages/ViewItem.aspx?ParamId=82> (дата обращения: 20.03.2023).

⁶ Эрделевский А.М. О компенсации морального вреда в связи с нарушением имущественных прав: практика Конституционного Суда РФ // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. URL: www.consultant.ru (дата обращения: 23.03.2023).

⁷ Определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 27.04.2023 по делу № 88-7168/2023 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. URL: www.consultant.ru (дата обращения: 19.03.2023).

THE CONSTITUTIONAL MEASUREMENT OF THE EVOLUTION OF THE INSTITUTION OF COMPENSATION FOR MORAL DAMAGE

D.V. Karpov

*Associate Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Law Faculty
of the Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Candidate of Sciences (Law), Associate Professor*

The author analyzes modern approaches to the legal understanding and law enforcement qualification of the moral sufferings of the individual that arose as a result of the invasion of their constitutional rights and freedoms. The article notes an expansion of the range of encroachments on the emotional and psychological sphere of an individual covered by law and entailing legal consequences.

The acts of the Constitutional and Supreme and other courts of the Russian Federation are analyzed. They consistently destroy formal and legal obstacles to compensation for moral damage by identifying the materiality of violations of fundamental rights that form the core of the constitutional status of an individual. In recent years, the possibility of compensation for violations of property rights to the victim of a crime, to the owner when causing death to a pet, to a parent when encroaching on the health of a child, to a person unlawfully brought to administrative responsibility, to a future pensioner who received an illegal refusal to assign a pension has been expanded.

It is concluded that it is necessary, within the framework of torts arising from crimes and power relations, to legislatively increase the effectiveness of constitutional guarantees for the realization of the rights of victims and ensure maximum protection of the dignity of the individual, establishing the presumption of moral damage and the responsibility of public legal entities without fault.

Keywords: personal dignity, intangible goods, property rights, tort legal relationship, moral damage, compensation, guilt of the inflictor.